

УДК 321:342.3

**Мероприятия большевиков
по профилактике и противодействию
вооруженным крестьянским выступлениям в Сибири
в 1920–1924 гг.
(на материалах Иркутской и Енисейской губерний)**

И. В. Ефремов

Братский государственный университет, г. Братск

Рассматривается комплекс мер советских и партийных органов Иркутской и Енисейской губерний по предотвращению и подавлению вооруженных крестьянских выступлений в 1920–1924 гг. Приводится ряд фактов, свидетельствующих об эффективности массовых внесудебных расправ, агентурной работы органов ВЧК–ОГПУ, пропагандистских и просветительных мероприятий, объявления амнистий, создания частей особого назначения.

Ключевые слова: Иркутская губерния, Енисейская губерния, большевики, крестьянские выступления, повстанческие отряды, заложники, амнистии, части особого назначения, агентурная работа.

В конце 1920 г. сельские районы Сибири охватили массовые волнения, с легкой руки официальных властей получившие определение «антисоветские кулацкие мятежи». Практически повсеместно крестьяне отказывались выполнять разверстку, уничтожали продотряды, большевиков и бедняков-активистов. В ряде случаев выступления удавалось подавить лишь с привлечением регулярных частей Красной Армии и артиллерийских подразделений. В операциях участвовало свыше 25 тыс. красноармейцев, не считая чекистов, милиционеров и мобилизованных большевиков [1].

Столкнувшись со столь явным проявлением крестьянского недовольства и понимая, что борьба будет долгой и сложной, советские и партийные органы разработали комплекс мер, направленных как на ликвидацию действующих, так и на предотвращение будущих крестьянских выступлений.

Одной из наиболее бесчеловечных, но в то же время действенных мер по наведению порядка являлась практика взятия в заложники членов семей или односельчан повстанцев. Требуя прекратить сопротивление и сложить оружие, большевики угрожали расстрелом мирных жителей и достаточно часто

угрозы исполняли. Так, командир батальона частей особого назначения Голиков, получивший известность в дальнейшем как советский писатель Аркадий Гайдар, принимая участие в ликвидации повстанческого отряда И. Н. Соловьева, действовавшего на территории Енисейской губернии, широко практиковал расстрелы заложников. Не сумев добиться своей цели, Голиков был отозван в Красноярск, где его обвинили в несанкционированных расстрелах, исключили из партии и отправили на лечение в Москву [2].

Между тем опасения за жизнь взятых в заложники родственников способствовали существенному оттоку бойцов из повстанческих отрядов, а потому в дальнейшем многие крестьяне, выступая с оружием в руках против большевиков, уводили с собой и членов своих семей.

К примеру, в январе 1923 г. в сводках ГПУ сообщалось, что в отряде Родионова, оперировавшем на территории Енисейской губернии, насчитывалось от 60 до 80 человек. Из них до 40 человек были женщины – матери, жены, сестры повстанцев [3].

Упомянутый ранее И. Н. Соловьев также прятал своих родственников в тайге. При разгроме зимней стоянки его отряда в верховьях реки Средняя Терси 5 апреля 1924 г. были обнаружены и захвачены отец и мать Соловьева, четверо детей и 8 женщин, в том числе и его жена [4].

Другой, не менее эффективной мерой властей по противодействию повстанческому движению, практиковавшейся, как ни странно, наряду с массовыми репрессиями и захватом заложников, являлось объявление амнистий. В качестве примера: после объявления амнистии Верхотенским военно-революционным комитетом бойцы одного из наиболее непримиримых повстанческих соединений – отряда А. Г. Черепанова в полном составе вместе со своими руководителями сложили оружие и вернулись к мирной жизни. Условиями амнистии было: 1) прекращение борьбы; 2) добровольная явка всех повстанцев; 3) сдача оружия [5].

Именно объявление амнистии, наряду с заменой продналога, стало фактором, повлиявшим на уменьшение количества восстаний и снижение активности уже действовавших отрядов крестьян, убедившихся в бесперспективности дальнейшей борьбы с большевиками. Так, если в октябре 1920 г. повстанческий отряд Д. П. Донского насчитывал более 600 человек, то в январе 1921 г. – 200, в феврале – 120, а в начале 1922 г. только 12 человек [6].

Необходимо отметить, что амнистирование участников антибольшевистских крестьянских выступлений отнюдь не гарантировало их лояльность существующей власти. Некоторые повстанцы, сложив оружие и явившись с повинной в органы Советской власти, спустя короткое время вновь выступали против большевиков, либо выражали недовольство их политикой. Например, Иргубчека в конце 1921 г. в Тункинской волости отмечалась агитация, проводившаяся против уплаты продналога бывшими повстанцами из отряда Шубина, добровольно явившимися по амнистии [7].

Кроме того, многие из тех, кто выступал против Советской власти, не верили обещаниям о неприкосновенности и, весьма небезосновательно, опа-

сались расправы. Укреплению этих опасений способствовало и такое явление первых послевоенных лет, как красный бандитизм – террор в отношении лиц участвовавших или заподозренных в сопротивлении властям. Тем не менее, для борьбы с крестьянскими отрядами уже не требовались регулярные войска – достаточно было сотрудников милиции и бойцов местных ЧОНов.

Создание частей особого назначения – ЧОНов стало еще одной по-настоящему эффективной мерой по противодействию крестьянским восстаниям. Бойцы ЧОНов были отлично подготовлены и укомплектованы, а потому действовали гораздо результативней армейских частей. «Программа подготовки включала различные предметы: изучение материальной части оружия, общевойсковую тактику, приемы и методы ведения малой войны, партизанские и контрпартизанские действия, разведывательно-диверсионную подготовку. В отдельный предмет включалось изучение современных для того времени видов вооружения, пулеметов, гранат, изучались даже приемы борьбы с танками и др. В целом программа отвечала требованиям контрпартизанской борьбы, в ней наиболее ярко отражался принцип, не потерявший актуальности и сегодня: хочешь бороться с партизанами, сам стань партизаном...» [8].

Части особого назначения были довольно многочисленны. В сибирских отрядах ЧОНа числилось 6167 коммунаров-комсомольцев, из которых 1495 человек – в Иркутской и Енисейской губерниях [9]. Наилучшие результаты в борьбе с непримиримыми отрядами приносили действия ЧОНа по формированию «боевых участков». Район оперирования повстанческих отрядов объявлялся боевым участком, а назначенному в нем командиру в подчинение передавалась сформированная группировка сил. Она состояла из подразделений, постоянно дислоцированных на территории «боевого участка», а также из приданных сил. Коммунисты и комсомольцы переводились на военное положение, а на соседствующих территориях находились в готовности дежурные подразделения. В районе боевого участка оперировали мобильные разведывательно-поисковые группы, так называемые «истреботряды», состоявшие примерно из 30 человек каждая, на лошадях и, как правило, усиленные пулеметом. Помимо войсковой и агентурной разведки, они занимались поисками и преследованием противника, уничтожением малочисленных повстанческих отрядов. В случае необходимости выставлялись заслоны, засады, скрытые посты наблюдения, а при соприкосновении с повстанцами осуществлялось непрерывное их преследование и связь с командованием. Разгромив крупные отряды повстанцев, ЧОНовцы приступали к нейтрализации так называемых «пассивных бандитов» в деревнях и селах в районе боевого участка. Подобные действия, координируемые губернским центром, постепенно привели к уничтожению наиболее крупных повстанческих отрядов, мелких групп крестьян, отдельных недовольных [10].

Скоординированная и отлаженная работа ЧОН в Иркутской губернии в совокупности с другими мерами властей и, в первую очередь, с отменой продрозверстки привела к тому, что в оперативной сводке начальника штаба частей особого назначения за декабрь 1921 г. сообщалось: «Политическое

состояние Иркутской губернии благоприятное. Уступка крестьянству в виде замены разверстки продналогом и вообще новая экономическая политика дала положительные результаты. Районов с более ярко выраженным настроением нет. Бандитизм в районах Божеевской и Голуметской волостей Черемховского уезда, не пользуясь поддержкой населения, изживает сам себя...» [11].

Не последнюю роль в предотвращении новых выступлений крестьянства, а также в разложении уже действовавших повстанческих отрядов наряду с уже перечисленными мерами сыграла и умело организованная агентурная работа ВЧК–ОГПУ и милиции. Сотрудники указанных ведомств активно вербовали в среде крестьянства осведомителей, внедрялись в повстанческие отряды и, умело организуя провокации, разжигали конфликты и междоусобицы.

В телеграмме из Москвы в Красноярский Губчека за подписью зампреда ВЧК Уншлихта и управделами ВЧК Ягоды от 23 апреля 1921 г., указывая на необходимость ведения глубокой агентурной разведки в местностях, охваченных бандитизмом, приводились конкретные требования и рекомендации – как это осуществлять и для чего это нужно: «...Политбюро должны глубоко насадить своих агентов, секретных сотрудников не только в десятиверстной полосе вдоль железнодорожной линии, а в каждом селе, деревне, всей губернии. Для наиболее успешного выполнения заданий по разведыванию появления, сил, намерениях бандитов, об источниках всякого рода их снабжения, приемах, кроме своих агентов в бандитской среде, для взрыва их изнутри необходимо иметь еще хорошо налаженную связь, путем надежной сети осведомителей, непосредственно передающих свои проверенные сведения Политбюро. Густая сеть осведомителей с надежными разветвлениями, как щупальцы, разведчиков при налаженной быстрой связи исключает всякие неожиданности со стороны банд, наиболее верное оружие для их искоренения...» [12].

Очень часто, помимо сбора разведанных и сеяния разного рода порочащих слухов, агентам ставилась цель физического устранения руководящего состава повстанцев. Так, например, неоднократно предпринимались попытки ликвидировать Д. П. Донского – лидера одного из наиболее многочисленных повстанческих отрядов Иркутской губернии. В сводке Иргуботдела ГПУ об этом говорилось следующим образом: «...Для ликвидации этой банды выделен отряд ЧОН с задачей ликвидировать в кратчайший срок банду Донского. Нами послан сотрудник для проникновения в банду с задачей убить Донского» [13].

Приведенный пример отнюдь не единичен. Отряд Г. А. Кочкина, действовавший в лесах под Иркутском до второй половины 20-х гг., явился для сдачи властям только лишь после того, как его предводитель был убит внедренным милицией агентом [14]. Не имея возможности разгромить тот или иной отряд повстанцев, или стремясь покончить с ним в максимально короткие сроки, большевики уничтожали его руководителя, и в ряде случаев активность отряда сходила на нет.

Говоря о просветительских и пропагандистских мерах, необходимо отметить, что акцент в них сделан был на дискредитации политических противников большевиков, в особенности эсеров. Предполагалось, что именно они попытаются возглавить и скоординировать крестьянское движение. Еще в 1921 г. в документах Сиббюро ЦК РКП (б) сообщалось: «... 1) Разгромленные в настоящий момент силы контрреволюции несомненно не раз еще сплотятся в ближайшее же время, вновь питаемые недовольством зажиточного крестьянства. 2) К этим новым выступлениям Сибирские организации должны быть подготовлены во всех отношениях. 3) Внимание органов Советской власти надо направить не только на быстрое и самое решительное подавление восстаний и разгром его центров, но и на массовое предупреждение путем решительного изъятия и кар по отношению к членам этих организаций. В каждом отдельном случае во всей нашей политической работе в устной и печатной агитации подчеркивать прямую связь эсэров и Крестьянского Союза с карателями и контр-разведчиками, используя весь добытый следственными органами материал...» [15]. Также требовалось «...привлечение бывших партизан и влиятельных партизанских вождей к хозяйственной советской работе, возлагающей на них равную со всеми коммунистами ответственность перед всеми крестьянами за мероприятия Советской власти...» [16]. В силу того, что бывшие красные партизаны активно участвовали в антибольшевистских крестьянских выступлениях, последнее было необходимо, по всей видимости, для того чтобы их лидеры скомпрометировали себя участием в разного рода непопулярных мероприятиях (сборе продналога, например) и лишились поддержки широких крестьянских масс. Кроме того, участие в деятельности Советской власти «своих», признанных вождей должно было стать сигналом, что власть действительно стала народной, а потому любые ее мероприятия следует воспринимать исключительно лояльно.

Таким образом, говоря о мероприятиях властей, направленных на предотвращение и ликвидацию крестьянских восстаний в 1920–1924 гг., необходимо отметить, что в зависимости от целого ряда факторов как внешне-, так и внутривластного характера они варьировались от практики захвата заложников и других акций устрашения до объявления амнистии повстанцам в отдельных местностях и временного изменения сельскохозяйственной политики в масштабах всей страны. Сочетание «кнута и пряника» вкупе с хорошо отлаженной агентурной работой органов ВЧК–ОГПУ и частей особого назначения привели к ликвидации или разложению большинства повстанческих отрядов.

Между тем сопротивление сибирского крестьянства, перейдя в форму актов террора и хулиганства в отношении низовых партийных и советских работников, не только не прекратилось, но и год от года нарастало, достигнув своего пика в период коллективизации, раскулачивания и ликвидации кулачества как класса.

1. *Новиков П. А.* Повстанческое движение в Иркутской губернии (1920–1921 гг.) // *Белая гвардия*. 2002. № 6. С. 65.
2. Книга памяти жертв политических репрессий Красноярского края. Красноярск : Издат. проекты, 2004. Кн. 1. С. 15.
3. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 516. Л. 26.
4. Там же. Д. 750. Л. 39–40.
5. Борьба за власть Советов в Приленском крае (1918–1921) : сб. документов / под ред. В. Т. Агалакова, С. Ф. Ковалева. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1987. С. 73.
6. *Новиков П. А.* Гражданская война в Восточной Сибири. М. : Центрполиграф, 2005. С. 277.
7. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. Р-145. Оп. 4. Д. 36. Л. 8.
8. *Брюханов И. В.* Борьба с бандитизмом частей особого назначения Иркутской губернии (1920–1924 гг.) // *Сибирь в изменяющемся мире. История и современность*. Кн. 1. Иркутск, 2007. С. 67.
9. *Скаллер А. Л.* Организация и деятельность комсомола в Восточной Сибири (1917 – середина 1930-х гг.) (На материалах Иркутской и Читинской областей, Красноярского края, Бурятской и Якутской АССР). Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1993. С. 100.
10. Там же. С. 68–69.
11. Чоновцы // *Сов. молодежь*. 1977. № 135. С. 2.
12. ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 125. Л. 138.
13. ГАИО. Ф. Р-145. Оп. 4. Д. 36. Л. 59.
14. *Суханов О.* Хранить вечно // *Вост.-Сиб. правда*. 1971. № 20. С. 3.
15. ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 125. Л. 42.
16. ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 125. Л. 42–43.
1. *Novikov P. A.* Rebellions in the Irkutsk province (1920–1921-s) // *White guard*. 2002. N 6. P. 65.
2. Memory book of political repressions victims in the Krasnoyarsk region. B. 1. Krasnoyarsk : Publishing projects, 2004. P. 15.
3. The Krasnoyarsk Region State Archive (KRSA). F.P-1. Inv. 1. Doc. 516. P. 26.
4. KRSA. F.P-1. Inv. 1. Doc. 750. P. 39–40.
5. Soviet power struggle in the Pri-lensk region (1918–1921): collected documents / ed. by V. T. Agalakov, S. F. Koval. Irkutsk : Publishing house of the Irkutsk state university, 1987. P. 73.
6. *Novikov P. A.* Civil war in the Eastern Siberia. M. : corporation Centrpoligraf, 2005. P. 277.
7. The Irkutsk Region State Archive (IRSA). F.P-145. Inv. 4. Doc. 36. P. 8.
8. *Bryukhanov I. V.* Struggle against brigandage of the Irkutsk province special service (1920–1924-s) // *Siberia in changing world. History and modern world*. B. 1. Irkutsk, 2007. P. 67.
9. *Skaller A. L.* Komsomol organization and activity in Eastern Siberia (1917–in the middle of 1930-s) (On materials of the Irkutsk, Chita, Krasnoyarsk regions, Buryat and Yakut ASSR). Irkutsk : Publishing house of the Irkutsk state university, 1993. P. 100.
10. Ibid. P. 68–69.
11. Chonovtsy // *The Soviet youth molodezh*. 1977. N 135. P. 2.
12. KRSA. F.P-1. Inv. 1. Doc. 125. P. 138.
13. IRSA. F.R-145. Inv. 1. Doc. 4. P. 59.
14. *Sukhanov O.* Hold endlessly // *The Eastern-Siberian truth*. 1971. N 20. P. 3.
15. KRSA. F.P-1. Inv. 1. Doc. 125. P. 42.
16. KRSA. F.P-1. Inv. 1. Doc. 125. P. 42–43.

Bolshevists' actions in Prevention and Opposition to the Armed Resistance of Peasants in Siberia in 1920–1924-s (by the Example of the Irkutsk and Yeniseisk Provinces)

I. V. Efremov

Bratsk State University, Bratsk

The article examines the complex of measures taken by the Soviet and Party structures of the Irkutsk and Yeniseisk provinces in order to prevent and suppress armed resistance of peasants in 1920–1924-s. Several facts ascertaining the efficiency of mass illegal lynching, of VCHK–OGPU, propaganda and educational campaigns, amnesties announcements, formation of special service.

Key words: the Irkutsk province, the Yeniseisk province, bolshevists, peasant resistance, rebel brigades, hostages, amnesties, special service, spying work.

Ефремов Илья Владимирович – кандидат исторических наук, доцент Братского государственного университета, г. Братск, e-mail: slava1982_@rambler.ru

Efremov Ilya Vladimirovich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, the Bratsk State University, Bratsk, e-mail: slava1982_@rambler.ru